

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Сергей Овчаров

БЮРО НАХОДОК-2

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

«Издательство «БАМБУК»

Сергей
Иванов
**БЮРО
НАХОДОК-2**

Художник А. Насыров

«Издательство «БАМБУК»

ББК 84(2)
И20

ISBN 5-8203-0095-5

© «Издательство «БАМБУК», 2000

Чудесные ворота

ы, конечно, помните знаменитых помощников Дедушки из Бюро находок: Попугай Степаныча Красавцева и верного Тишку. Да вот же они на картинке — шагают по горам, по долам.

Недавно они слезли с поезда и теперь топтали по проселочной дороге в деревню Большая Медведевка. Когда-то в стародавние времена там тоже был пункт Бюро находок. Дедушка давно уж собирался туда съездить — проверить дом и усадьбу, да все дела, дела...

И вот он сказал однажды:

— Знаете, езжайте-ка вы одни, а я уж тут пока побуду, на хозяйстве... В самом деле, езжайте, пока погода стоит.

Тишка со Степанычем переглянулись: да и правда ведь — надо съездить!

Сейчас они шагали по широкому, уже схваченному осенней желтизной лугу, а в небе над ними стояла широкая и ясная радуга — наверное, последняя в этом году... Так они и прошли под этими прекрасными, разноцветными, во все небеса воротами.

И, пройдя под радугой, оказались в Большой Медведевке.

«Иван Рудаковъ»

Если в доме никто не жил лет двадцать-тридцать... вы даже представить себе не можете, во что превращается такой дом!

Они вошли в него, словно в дикую пещеру! Кругом тьма-тьмущая, лишь кое-где разбавленная серенькой водичкой света.

— Форрррменный кошмаррр! — воскликнул Попугай почти с ужасом. — Полная неррразберрриха!

Он стоял в совершенной растерянности. Уныние одолевало его. «Зачем я только сюда приехал! — думал Красавцев. — В городе меня все знали...» А Тишка в это время мед-

ленно, почти на ощупь, двигался в глубь «пещеры».

И вдруг в лицо Попугаю ударил... не яркий, а прямо-таки яростный свет. Красавцев невольно зажмурился. А когда открыл глаза, то смог прочитать слово: «УРА!» Оно было написано — Попугай Степаныч буквально глазам своим не верил! — чистым и ярким солнечным светом. Но поскольку Красавцев был исключительно умной и опытной птицей, то уже через секунду сообразил: да это же Тишка своею косматой лапой вывел на пыльном стекле веселое и боевое слово.

Так они начали...

Уборка вообще-то дело очень нелегкое и не очень короткое. Я лично, скажу вам по правде, сильно ее не люблю, а потому пропускаю это место. Лишь добавлю справедливости ради, что хотя уборка и неприятное дело, однако совершенно необходимое... к сожалению!

В общем, давайте вернемся в рассказ на том месте и в ту минуту, когда уже все было убрано, все кругом блестело и даже сверкало.

Бревенчатые стены, некрашенный дощатый пол и потолок сияли медовой желтизной. Окна были так чисты, словно состояли из одного только прозрачного деревенского воз-

духа, за ними виднелось синее небо и две рябины с красными крупными гроздьями ягод.

А еще в этом простом, но прекрасном деревенском доме были лавки у стен, крепко сколоченные табуретки, большой стол, который они тоже вымыли и застелили привезенной из города скатертью с цветами. По стенам, на дощатых полках, ровно стояли глиняные чашки и миски, большая берестяная банка с крышкой, которая зовется туесом. И в туесе деревянные ложки... В общем, можно жить, честное слово. Причем жить очень хорошо!

Нашлась, между прочим, и медная, старинной работы вывеска: «БЮРО НАХОДОКЪ ИВАНА РУДАКОВА» — так звали Дедушку, когда он еще не был... Дедушкой. Вывеска от времени потемнела и позеленела.

— Ну да шут с ней, — махнул лапой Тишка, — всего за раз не переделаешь! Пускай такая пока повисит!

Степаныч хотел было заявить, что коли уж взялся за гуж, так не говори, что не дюж... Но потом подумал: «Ну ее, в самом деле, эту пословицу! Временно проживем и с медно-зеленой вывеской». И сказал веско:

— Хорррошо, Тиша, прррибивай.

Тем более что солнце уже подглядывало за ними из-за деревьев дальнего леса, а с другой стороны, из-за другого дальнего леса, выбирался потихоньку рогатый месяц, а телевизора у них, слава Богу, не было да и устали они — о-го-го!

— А пойдём-ка спать, Степаныч?

Попугай не возражал.

Ночные страхи

Тишка — беспечное и добродушное существо — захрапел, едва только его лопухая голова коснулась подстилки, а вот Попугай Красавцев уснуть никак не мог. Все перебирал лапами, сидя на своей жердочке; то сунет голову под крыло, то снова ее вынет... Да что за напасть такая!

И тут ему послышалось... о-е-ей!.. какие-то подозрительные скрипы, какие-то тихие цоканья, словно по крыльцу их дома ходит конь, но только очень легкий, как бы сделанный из воздушных шаров.

«Что ж это такое может быть?» — спросил себя Красавцев. Но отвечать не решился. Слишком много страхов и непонятностей было для него в деревенском мире.

Между тем Степаныч вовсе не был трусом!

На цыпочках подобрался к окну, выгля-

нул в него и... ничего не увидел, кроме пол-
ночной темноты.

Когда же Красавцев крался обратно, к
своей жердочке, он вдруг с ужасом сообра-
зил, что его коготки цокают почти так же
тихо, но «по-конски», как ноги того неведо-
мого существа!

Что же это такое, а?.. Что же это может
значить?!

Началось!

— Тихон! Вставай!

Привыкший к дисциплине Тишка молча
вскочил, сразу наострив свои не очень по-
слушные к наостриванию уши... Да что ж
тут поделаешь: он был верным, но не очень
породистым псом.. Однако, поверьте, слух
Тихон Полканович имел исключительный!
Далеко не всякая служебно-розыскная соба-
ка такой имеет! Да и нюх у него был чуткий
и даже пронзительный: от этого пса не смог
бы укрыться даже самый крохотный... ку-
сочек колбасы!

— Что случилось, Степаныч? — прошеп-
тал верный пес.

Он был готов на все, лишь бы выполнить
задание.

Красавцев ничего не ответил, он подкрал-
ся к выходу, дал Тихону знак готовиться к

бою, как только на то будет необходимость, и решительно растворил дверь!

А в это как раз мгновение месяц, растолкав густые осенние облака, вышел на свободное пространство, осветил всю сельскую окрестность своим удивительно ясным взором. И друзья-приятели, известные работники Бюро находок, увидели, что... вокруг ничего нет! Лишь полные покой и тишина.

— Как же так? — сам у себя недоуменно спросил Попугай Степаныч. — Неужели пррриснилось?!

Но знал, что присниться ему никак не могло!

Тогда в чем же дело?

И тут они увидели, что со стены их дома пропала старинная медная дощечка!

Ну вот — началось!

Странное преступление

Месяц по-прежнему светил ярко, так что на влажной земле около дома можно было кое-что разглядеть. Не каждый, конечно, это мог, но такой опытный следопыт, как Тишка, вполне!

— Пойдем! — сказал он тихо и бросился вперед, низко опустив голову.

Красавцеву ничего не оставалось, как толь-

ко следовать за приятелем. Это, по правде говоря, было Попугаю не совсем приятно: он, такой умный, такой... важный, и вынужден бежать в непроглядную темень да еще и держаться за Тишкин хвост, чтобы не потерять!

— Куда все-таки мы так спешим, ты можешь мне ответить? — говорил Красавцев с одышкой. — Я не пррривык к таким гонкам!

На самом деле ко всему он привык, только вот подчиняться и быть на вторых ролях ему никак не хотелось!

Тишка не отвечал, потому что весь был во внимании. Да ведь и в самом деле трудно увидеть, а еще труднее не потерять след, который иному и днем-то не заметен.

Но Тишка его видел, видел, представьте себе — слабые-слабые царапины на земле и чуял еле-еле слышимый запах... который был Тишке... точно знаком. Только верный пес не мог вспомнить, где именно он такой же вынюхивал.

А следы довольно неожиданно привели их к реке. На влажном песчаном берегу даже Красавцев мог рассмотреть...

— Да ведь это же следы птицы! — вскричал он. — Стрррранно и порррразительно!

И тут же понял, почему звук его шагов по полу был так похож на звук, который про-

изводили ноги преступника... Да-да, именно преступника! Вора, промышляющего кражей вывесок... Возможно, этот бандитский промысел покажется кому-то довольно странным, но у жуликов, знаете ли, свое на уме. Нам — простым честным людям, простым честным собакам и простым честным попугаям — их не понять!

Следов на прибрежном песке было много. И сам песок был как-то странно... потревожен.

— А не кажется ли тебе, что прррреступник здесь ее и закопал? А?

— Нет, — ответил Тишка, продолжая быстро и коротко сопеть носом, как делают все собаки, когда хотят до чего-нибудь добраться.

— А почему это, собственно, нет? — спросил Степаныч очень требовательно.

— Потому что медной табличкой тут пахнет. А вот тем, что она здесь закопана, не пахнет вовсе!

Красавцев собирался что-то решительно возразить, но в этот момент Тишка опять уткнул нос в землю:

— Вижу, как этот, с птичьими ногами, пошел обратно!

— Не верррится! Как же ты можешь это видеть? — ревниво сказал Красавцев.

Тихон не ответил, он увлеченно бежал

по цепочке вновь обнаруженных им следов.

Дальше произошло... просто невероятное. С таким преступлением еще не сталкивался ни один, даже самый знаменитый сыщик мира. Потому что следы привели... обратно к их же дому.

Но самое поразительное — табличка опять висела на своем прежнем месте! Только теперь она была начищена и ярко сияла даже в бледных лучах луны.

— Да что же это такое? — спросил верный пес почти с обидой.

Действительно: бегал-бегал, преследовал-преследовал, и все понапраену — даже скорее как-то глупо получилось!

— Ты что-нибудь понял, Степаныч?!

Попугай в ответ лишь крыльями развел.

— Тогда что же нам теперь делать?

— Спать, — ответил Попугай коротко.

А в самом деле, что им еще оставалось? Только лечь, закрыть глаза и надеяться, что утро вечера якобы мудренее!

Соседи

Утром Тишка встал как всегда раньше Красавцева, вышел на крыльцо, внимательно обнюхал сверкающую табличку... Она явно пахла речкой, речным песком. Да и в ложбинке между буквами остались присохшие песчинки.

«Какой же мы можем сделать из этого вывод?» — подумал Тишка. И с удивлением сам себе ответил: «Только один — кто-то специально подкрался ночью к нашему дому, снял табличку и... тщательно начистил ее речным песочком!»

Сбитый с толку, Тихон вышел за ворота их усадьбы... Вот это да! На мокрой от росы земле деревенской улицы отпечатались уже столь знакомые ему следы: спереди три длинные палочки, сзади — одна короткая. И ведут они к дому напротив!

В нерешительности верный пес остановился перед соседскими воротами. И тут они как бы сами собой отворились. Тихон увидел прекрасного мужчину с красной бородой, с алым гребнем на голове, со сверкающим смелостью глазом, одетого в разноцветные, как бы огненные перья.

Прекрасный незнакомец окинул Тишку строгим внимательным взглядом:

— Позвольте представиться. Иван Петрович Петух!

Тишка невольно подрастерялся, хотя и был служебно-розыскной собакой очень высокого класса:

— А я... это... Тихон Полканович... значит... Собакин.

— Так, стало быть, зрение не обмануло меня! — воскликнул Иван Петух. — Вы действительно тот самый пес Тишка, который... из Бюро! Ведь это про вас — и мультфильмы, и недавно новая книжка вышла!

— Ну, не только про меня, — скромно сказал служебно-розыскной умелец, — еще и про...

Как раз в этот миг из-за спины господина Петуха появилась...

— Позвольте представить вам мою супругу! — явно важничая, воскликнул Иван. — Кура Клювовна!

— Здравствуйте, — и Кура смущенно потупила очи.

Тут из-под ног маминых крыльев и прямо Тишке под ноги высыпал добрый десяток желто-пушистых детишек:

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Дядя Тихон! Мы вас знаем, мы вами гордимся!

А что уж после началось, это даже трудно себе представить, тем более описать! Услышав такой приятный шум, из дому, охорашиваясь на ходу, вышел Попугай Красавцев — тотчас деревенскую улицу огласили новые восторженные охи и ахи.

Из домов повыходили и другие соседи: известный на всю округу балалаечник Игнат Раскосович Заяц, крупный ученый Барон Бананович Овцебык и еще некоторые другие жители здешних мест, про которых мы не говорим подробно, потому что они не будут принимать особого участия в нашей истории.

Тут выяснилось, что Кура Клювовна и есть главная «виновница» ночной катавасии. Но только... очень добрая виновница!

Дело в том, что она довольно часто страдает бессонницей. А чтоб зря не ворочаться с боку на бок, не будить мужа и детей, Кура тихонько выходит из дома... Тут еще надо знать, что она исключительно доброе существо. И чтоб как-то занять время, она идет кому-нибудь помочь.

В эту ночь Кура решила что-нибудь сделать для новых соседей. А когда отчистила вывеску да прочитала ее, поняла, с какими знаменитостями рядом теперь живет! И утром все рассказала Ивану. Ну, а продолжение истории знаете сами!

Тот день закончился веселым пиром. И самовар пыхтел на столе в новом Бюро на-ходок, и прекрасно пахли вкуснейшие пи-роги, и грустно и сладко звучала балалайка деревенского музыканта.

— Ах, Игнатушка, — дружный пес ути-рал ухом скупую мужскую слезу, до чего ж душевно ты играешь!

Игнатий Заяц ничего не отвечал, а все наяривал да наяривал. В это время на дру-гом конце стола известный деревенский уче-ный и звездочет Барон Овцебык развивал свои космические теории:

— Мееее-жзвездная бееее-сконечность, — говорил он, слегка заикаясь от благородно-го волнения, — беее-спокоит меее-не душу!

А добрейшая Кура гладила по головам своих малышей, смотрела на мужчин и ду-мала: «Ах, какие они все умные! Какие они все знаменитые! В какое хорошее, в какое достойное общество мы попали с Иван Пет-ровичем!»

Славный получился вечерок!

Затишье перед бурей

Казалось бы, в деревне, у рачительных сельских хозяев пропадать ничего не долж-но... А получалось как раз наоборот! Степа-ныч с Тишкой просто не могли понять, в чем же тут дело. Но вот представьте: то у

Игнатия Зайца лопата исчезла — нечем морковку выкопать, то у господина Овцебыка подозрная труба куда-то закатилась, то... ой, да это же буквально нет никакой возможности всего перечислить!

Уж не говоря о том, что желто-пушистые детки Ивана и Куры то и дело терялись в сентябрьской траве!

— Где ж их найдешь теперь, — мрачно говорил Барон Бананович, внимательно глядя на новые ворота, — они желтые, трава желтая...

— Да я их сейчас вообще с закрытыми глазами найду! — восклицал служебно-розыскной работник.

— Это вряд ли... — и Барон задумчиво почесал свои завитые рога. — Научный факт состоит в том, что с закрытыми глазами увидеть никого невозможно!

— И правильно он состоит! — весело согласился Тишка. — Но дело в том, что я посмотреть-то на них не буду... Я их учую!

С этими словами Тихон нырнул в осеннюю мокрую траву и уже через несколько минут появился с двумя пропавшими малютками на руках.

Не стоит говорить, как благодарны ему были крылато-хохлатые родители...

В общем-целом пришлось им послать Дедушке телеграмму: дескать, скоро не жди —

дел по горло!.. Да и местные жители стали просить Степаныча и Тишку: поживите, погостите — нам без вас теперь скучно будет.

А те и сами очень даже не возражали.

— На свежем воздухе, я чувствую, у меня и оперррение становится значительно прррекрасней, — рассуждал Попугай. — И, кстати, этот Барррон Овцебык исключительно интеррресный собеседник.

— Верно, — соглашался Тихон, — поживем пока здесь...

Тем более что Дедушка ответил им: дескать, собираюсь в отпуск, на далекие Клязьминские острова.

— Эх, поживем, — раз мечтался Тихон. — За грибами будем ходить, брусники соберем, клюквы, варенья наварим...

Однако этим прекрасным планам не суждено было сбыться! На Большую Медведевку обрушилась большая беда.

Чугунный сон петуха

Мы уже знаем, что Тихон спал чутче и вставал он раньше Попугая Красавцева. Однако на этот раз они проснулись одновременно, причем в совершенно не подходящий для этого час — была самая середина ночи!

— Что такое? — Тишка поднял левое ухо, потом правое. — Что случилось, Степаныч? Отчего мы с тобой проснулись?

Попугай собирался уже ответить, что пусть, мол, Тишка спросит что-нибудь полегче. И тут оба услышали отчаянное, во все горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Что это с Иваном? — Красавцев пожал плечами. — До утррра еще очень далеко...

А тут снова:

— Ку-ка-ре-ку!

И потом снова, снова...

Переглянулись, взяли фонари, вышли на улицу... И удивились еще больше, когда увидели Ивана Петуха: он продолжал горланить, а в то же самое время из круглых глаз его текли частые слезы.

— Ваня, родной, что стряслось?

— Кура пропала!

— Да она небось...

— В том-то и дело, что нет, ребята! — и Петух опять залился слезами. — Она вместе со своей грамотой пропала!

— С какой... грамотой?

— Эх! — не хотелось Петуху рассказывать — не до того сейчас, да уж, видно, придется. — Дело в том, мужики, что она у меня... Вы про Курочку Рябу чего-нибудь слышали?

— Про какую... Рябу? — Тихон и Красавцев переглянулись.

— Ну, которая, помните, — нетерпеливо заговорил Иван Пехух, — которая:

«Снесла Курочка яичко — не простое, а золотое...»

— А, про эту... Ну, слышали, само собой!

— Так вот моя Кура Ключовна прапрапраправнучка той самой чудесной Рябы... понятно это вам?!

— Ванька! Вот это да! Чего ж ты раньше-то молчал?

— Да как-то все случая не было, а потом она у меня скромница исключительная... была! — и Петух снова зарыдал. — Мой старшенький слышал, как ее бандиты уводили. Грозили: только чуть кудахнешь, детей прирежу!

— Так что же он?..

— Кто?

— Да старшенький!

— Ну, ребенок же, Степаныч, сам поуди...

— А как же ты не услышал?

— Да, представляете, у меня сон, как чугунный!

Кто ворует кур?

Про такие положения говорится: дела как сажа бела!

Они собрались на военный совет: ученый Барон, музыкальный Заяц, Петух, весь мокрый от слез, и Тихон со Степанычем.

— Беееда, беееда, ребяята! — Барон Ба-

нанович покачал своей тяжелой от закрученных рогов головой. — Прикидываю в умеее, размышляю — все беее толку!

Тишка, который отлично умел высматривать и вынюхивать, на этот раз ничего не смог добиться — ни малейших следов, ни единого запаха. И поэтому на слова известного деревенского ученого вынужден был лишь развести лапами.

Игнат Раскосович Заяц вообще в этих делах, как говорится, не петрил, и потому он ударил по струнам, извлек из балалайки такую печальную мелодию, что у всех на глазах слезы навернулись, а Петух, так тот просто зарыдал в голос!

— Такие вот пироги... с гвоздями! — Заяц отложил свой очень музыкальный инструмент.

И тут наконец в разговор вступил Попугай Красавцев:

— Не пррравильно себя ведете! Слезами горррю не поможешь!

— Чем не поможешь — это мы без тебя знаем! — воскликнул Заяц в сердцах. — Ты лучше скажи, чем помочь!

— Рррассуждениями, ррразмышлениями!

— Ну, размышляй... если такой умный!

— Да! Умный! И не скрррываю этого!

Заяц, Петух и Барон Овцебык не повери-

ли ему. Однако Тишка-то знал, какие Степаныч умеет разрабатывать планы. А Красавцев тут и выдал свой очень важный вопрос:

— Скажите-ка мне, кто за куррами главный охотник?

Присутствующие переглянулись, их словно электрическим током пронзила одна и та же мысль.

— Лисы проклятые! — закричал Игнат.

— Я по их следу не раз хаживал! — тут же взъярился Тишка.

Хотя, по правде говоря, он лишь в сказках читал, как собаки гонятся за лисицами. Но сейчас верному псу казалось, будто он действительно участвовал в отлове рыжих злодеек.

— А мне известно мееесто, — веско заключил господин Овцебык.

— Какое место? — не понял Тихон.

— Мееесто жительства... того бееессовестного, кого мы ищем! Пойдемте, я провожу. Я проводил в том районе кое-какие исследования...

А по правде Барону Банановичу неудобно было сказать, что он в тех краях... пасся.

Уже через каких-нибудь двадцать минут тайный разведывательный отряд выступил в поход. В его состав вошли все, кто уча-

ствовал в совещании. Только Иван Петух вынужден был остаться дома: не бросишь же, в самом деле, малых детушек!

Логово злодея

Тут надо сказать, что деревенька Большая Медведевка на самом деле была вовсе не велика. И находилась она среди прекрасного и огромного леса. Некоторые называли его дремучим. Но это лишь те, кто боится лесов. Кто же их не боится, просто говорит: прекрасный, огромный лес.

Таким он на самом деле и был...

Сперва все шли гурьбой, спокойно переговариваясь. Но через какое-то время Барон настороженно повел рогами:

— Попрошу соблюдать тишину. Бееезопасность не гарантирую!

И они стали красться, долго всматриваясь в каждое дерево и опасаясь каждого куста. Оно и понятно: ведь лисы — хищники. А если еще вдобавок зверь окажется крупный, он сможет потягаться даже с коровой! Все это шелестящим шепотом сказал Игнатий, и уши его как-то странно вздрогнули.

— Ну, ты уж хватил, дорррогой! — нервно воскликнул Попугай Красавцев. — Не верррится в такие ррросказни!

Однако с той минуты старался держаться поближе к другу Тихону, который, во-пер-

вых, был проверен в боях, во-вторых, вообще был не робкого десятка, а в-третьих, имел прекрасные крепкие зубы.

— Когда вы его увидите, сами обомлеете не меееньше меееня!

Уже совсем на цыпочках — конечно, сколько позволяли ему копыта — Барон Бананович поднялся на вершину довольно

крутого лесистого холма и показал рукою куда-то вперед:

— Вон оно, логово!

Внизу, причем довольно далеко, за березовой рощей, видна была... хм, очень симпатичная избушка, покрытая красной черепицей, из трубы вился уютный дымок. Избушка обнесена была оградой.

— Из костей замученных пленников! — сказал Игнатий Заяц тихо.

Господин Овцебык при этом вздрогнул, а Тихон и Попугай переглянулись, потому что забор был из обыкновенных кольев, кстати, очень аккуратно обструганных. Когда же они стали смотреть на избушку в подзорную трубу, которую захватил с собой Барон Бананович, то увидели, что наличники на окнах резные, а в огороде цветут фиолетовые, желтые и красно-белые георгины... В общем, как-то не очень это все было похоже на «логово»!

— Да вы наверх посмотрите! — страшным шепотом закричал Заяц. — Маскировался, маскировался, а все же выдал себя!

— Да! Интерпресненько! — воскликнул Попугай, подкручивая трубу под свои глаза. — Вот он и попался с поличным!

Тишка посмотрел на верх крыши и буквально замер: там сидела... резная деревянная птица!

— Клянусь! — нервно проговорил господин Овцебык. — Это же вылитая жена Кура Клювовна!

И действительно: птица была похожа на жену Ивана Петуха! Тишке, по правде говоря, как-то все не верилось, что в таком аккуратном домике, с такими замечательными цветами может жить злодей. Но теперь

и он стал сомневаться: а вдруг да правда?..

— Надо вот что, — сказал он, — надо, ребятушки, туда подобраться — насколько возможно — да и посмотреть на этот «скромный домик» своими глазами.

Ответом ему было молчание.

— Э-э, да вы забоялись, я смотрю?!

— Никто не забоялся! — тут же вспыхнул Заяц.

— Вот и отлично, вот и хорошо! — заключил господин Овцебык. — Вы вдвоем и ступайте.

— С какой это стати я должен туда идти?.. — начал было Заяц.

— Научный мееетод отбора! — веско объяснил Барон Бананович. — Тихон самый смелый, а ты быстрее всех бееегаешь!

Заяц не знал, что возразить, а Тишка просто был согласен на риск.

Разведчики

Они спустились с холма, стали подкрадываться к домику лиса.

— Осторожней, брат! Могут быть ловушки! — шептал Игнатий. — Уж я-то знаю: мои предки столько от лисиц натерпелись!

Тишка промолчал. Потому что, если разобратся, зайцы, пожалуй, натерпелись от собак ничуть не меньше.

А еще он молчал и потому, что ему как-то не верилось в злодейство этого лиса. Место было какое-то совсем не зловещее, не похоже на разбойничий угол, скорее на какой-нибудь дом отдыха. Дорожки в лесу были расчищены, кусты вокруг подвязаны, чтоб ветка не хлестнула путника по физиономии, как это любят иной раз кусты.

Когда же они увидели ограждение, аккуратно выструганное из прутьев и надпись: «Осторожнее, редкое растение КОЛОКОЛЬЧИК ЛЕСНОЙ, просьба не есть и лапами не трогать!», Тихон окончательно понял, что они делают не то.

— Кому ты веришь! — шипел ему в ухо Заяц. — Это же уловки хищника! Однако нас не проведешь!

Домик был обнесен оградой. Впрочем, она служила скорее для красоты, чем от кого-нибудь защищала. Ну, какая это, в самом деле, защита, когда через нее можно было просто перешагнуть! Игнатий с Тишкой так и сделали.... Потом подкрались к одному из окошек. Осторожно заглянули внутрь.

Они увидели довольно-таки странную картину: посреди комнаты в не очень нормальной, излишне горделивой позе с вытянутой вперед рукой стояла... надо прямо сказать, красивая... даже очень красивая белка. Напротив нее перед мольбертом стоял большой

рыжий лис... А кто случайно не знает, что такое мольберт, мы объясним: это специальная подставка, на которой художники укрепляют холст, чтобы писать картину. Лис действительно был с кистью в руках. На голове его был свободный бархатный берет, какие так любят носить художники.

— Вы не устали, моя ненаглядная? — спросил ярко-рыжий художник.

Тишка и Заяц не поняли этого вопроса, потому что белка не мыла полы, не стирала, не готовила, она лишь сидела. Ну, а мы тут объясним, что позировать художникам — это значит сидеть абсолютно неподвижно — дело совсем не легкое. Попробуйте-ка просидеть, а особенно простоять без единого шевеления хотя бы пять минут, и вы сами все поймете!

— Ах, — отвечала белка, при этом ни на сантиметрик не меняя позы, — я бы, по правде говоря, с удовольствием немного прошлась.

— Тогда, может быть, на Серебряный родник? — сказал лис очень нежно. — А то у нас вода для чая кончается...

— С удовольствием!

В этот миг Игнатий весело посмотрел на верного пса и прошептал:

— Они выболтали ценнейшую информацию, парень... Бежим! Теперь дело в шляпе!

Заяц командует

План Зайца был прост и четок... Это он сам так сказал.

Серебряный родник — в здешних местах очень известное место. В небольшом, но глубоко овражке из-под серого валуна вытекала стеклянная, тонкая, как спица, струйка чистейшей воды. Говорят, целебной, говорят, чуть ли вообще не волшебной... Вернее всего, это было не так. Но то, что чай из той водички получался исключительно вкусный — точно!

К Серебряному вела всем известная, притом единственная дорожка. Вот это как раз и собирался использовать Игнатий Заяц, который вдруг стал главным в охоте на коварного похитителя.

Он быстро раздал всем задания. Тишка должен был отправиться вслед за лисом и его... сообщницей, как выразился Заяц, Красавцеву надлежало взлететь на самую высокую сосну и оттуда «контролировать передвижения противника» — тоже Игнатовы словечки. Они же с Бароном Банановичем должны были срочно найти лопаты!

— Лопаты? — переспросил ученый. — Да нет ничего проще! Надо только съездить в город и уже завтра к полудню...

— Да мне они сейчас нужны, понятно тебе?.. Сейчас!

— Поспешность, как известно, до добра...

— Слушай, Баран... то есть это... Овцебык, ты понимаешь, что они тут появятся, вот на этом самом месте, под этой вот елкой, не позже чем через два часа?.. И у них там Кура бедная в каземате сидит, света белого не видит!

— Да я и не возражаа...

— Так бежим к господину Кроту! Уж у кого, у кого, а у него лопат сколько хочешь!

— Верно! — вскричал Барон. — Совершенно перпендикулярное мнение! Бежим!

Пока господин Овцебык говорил это, Игнатий как ни в чем не бывало вскочил ему на спину:

— Помчали же, ученый... хвост моченый. Время дорого!

Уже через каких-нибудь пятнадцать минут они таким же образом скакали обратно. Только Барон еще вез на себе две прекрасные лопаты: ведь кротам, как вы знаете, очень много приходится копать.

— Эй, Степаныч! Что там видно?

— Прррогуливаются! — крикнул сверху Попугай.

— Вернее, аппетит нагуливают... перед куриной лапшой! — Заяц что было сил вонзил свою лопату в землю. — Вот здесь будем копать... За дело, за дело!

Он сел на пенек, а Барон Бананович принялся рыть яму...

Тишка в это время продолжал успешно ползти за лисом и его спутницей. Он делал это очень ловко — так, по крайней мере, ему казалось. Но, может, дело просто было в том, что лис и белка ничего не замечали, увлеченные своей беседой.

Тишке такие отношения были почти что незнакомы. Правда, однажды, еще когда он жил не у Дедушки в Бюро находок, а просто на помойке, ему понравилась одна собачка по имени Мотя. Но потом она убежала куда-то с полубоксером, большим коричневым псом, и Тишка порасстраивался денька три, а потом все позабыл!

Теперь он смотрел на эту явно счастливую парочку, и сердце у него в груди тихо и сладко таяло, словно мороженое, забытое кем-то в теплый день. Тихону надо было бы подслушивать, что же такое говорят его враги. Однако он все больше понимал, что подслушивать неловко и что они ему никакие не враги...

Когда яма сделалась уже такой глубокой, что не стало даже видно рогов великого ученого, Заяц приказал:

— Ну, все, хорош! Теперь вылезай...

Барон Овцебык попробовал это сделать... стал карабкаться по гладким стенам, поскакал-попрыгал. И ничего не добился!

— Что и требовалось доказать! — победным голосом заорал Игнатий.

— Что за беее-зобразиe! — возопил несчастный жрец деревенской науки. — Меее-ня здесь оставят?!

— Действительно — безобррразие какое-то пррроисходит! — осуждающе прокричал Красавцев, не слезая, однако, с дерева.

— Да успокойтесь вы, все продумано. — Заяц вынул из своего рюкзака веревку, бросил ее конец в яму. — Вылезай, наука!

— Не надо меее-ня дразнить! А те-беее стыдно так обращаться с теми, кто...

— Ладно, — сказал Игнатий примирительно, — вылезай. У нас еще дел полно.

Овцебык, как говорится, поднатужился, поднапружился, вспомнил молодость, когда он жил в горах и скакал со скалы на скалу с легкостью молодого бара... то есть альпиниста.

Короче говоря, он выбрался, посмотрел в яму, в ее почти бездонную глубину и сказал:

— Отличный получится бассейн!

Заяц чуть не упал от смеха — в ту же яму:

— Ну, ты умен, дядя!

— Я это беее-з те-бяя знаю!

— Да беги скорей за хворостом! — закричал Заяц. — Все, буквально все им объяснять надо. Ничего сами не понимают!

К великому удивлению господина Овцебыка, Игнатий стал класть сухие ветки поверх ямы.

— Да не загорится же! — сказал Барон Бананович. — А если даже и загорится, то будет плохо гореть!

— Ты делай! — прикрикнул на него Заяц. — Вот же... на мою голову!

— Прекрррасная, острроумная мысль! — закричал с дерева Попугай. — Это же западня. Понимаешь ты, Барррон?

— Успокойтесь, беее-з вас все прекрасно понимаю! — сказал господин Овцебык очень нервно. — Лис под-беее-гает и...

— Вот именно! — сказал Заяц с легким презрением. — Так помогай же, если наконец дотумкал!

Они стали укладывать над ямой ветки, словно это просто случайный валежник на дорожке, а Красавцев продолжал наблюдать за лисом и его спутницей, которые шли не спеша и оживленно разговаривали.

Время от времени Попугай Степаныч видел, как из-за ствола какой-нибудь осины или там елки выглянет собачий глаз, или мелькнет за кустом кончик хвоста, или... Ну, в общем, не важно, что там мелькнет, выглянет или покажется. Важно, что он смотрел все время в одну сторону и совсем не смотрел в другую.

А это жаль! Потому что как раз с другой стороны к тому месту, где Заяц устроил свою хитроумность, приближался... медведь!

Б е д а !

Те, кто видел медведей только на фантике знаменитой конфеты, а слышал о них только в сказках, думают, что это большие и неповоротливые существа. Прошу вас, не заблуждайтесь! То есть медведи действительно большие, и даже очень. А вот что касается их якобы неповоротливости — это уж извините! Медведи исключительно ловкие звери. А двигаются они так, что понапрасну не потревожат ни одной веточки, зазря не помнут ни одной травинки.

Вот и медведь, о котором идет речь в нашей истории, тоже был очень ловок и даже грациозен. Он двигался по лесу бесшумно, словно тень.

Но только это была очень могучая тень!

Само собой, верховный судья и староста этих мест Михайло Медведич Потапов мог бы идти, как ему вздумается — все крушить на своем пути, хрустеть ветками, валявшимися под ногами, сшибать головки цветам, если они, на его взгляд, недостаточно низко ему поклонились.

Но Михайлу Медведичу не хотелось быть грубияном, наоборот — он чувствовал, что

должен подавать пример другим жителям этой местности.

В таком вот, можно сказать, приподнятом настроении господин Потапов вышел на поляну, где орудовали Овцебык и Заяц. Они были так увлечены работой, что буквально ничего не замечали.

— А ну-ка давай еще слой заделаем — для полной маскировки! — командовал Заяц. — Потому что лисы... Да ты и сам должен все о них знать!

«Какие лисы, что за лисы?» — подумал Потапов. И продолжал тихо идти к Игнатию и Барону Банановичу. Наконец Потапов решил, что это все же не совсем удобно — вот так подкрадываться. И кашлянул — чтобы просто обратить на себя внимание. Заяц резко обернулся. Но язык у него — о горе! — отнялся, потому что Михайло Медведич уже занес ногу...

— Бе-бе-бе! — возопил Овцебык. — Ме-ме-ме!

На самом-то деле он хотел крикнуть: «**Беда! Место опасное!**» но от волнения... эх, чего только не случается от волнения!

Михайло же Медведич спокойно продолжал свой путь. Но только, к сожалению, не долго. Потому что занесенная им нога ступила на тот самый хворост... «Ой, — успел подумать Потапов, — что это такое со мной происхо...»

И бухнулся в яму!

Чего не печатают в книжках

Когда все ветки, сухие листья, еловые иголки и прочая лесная труха, которыми была замаскирована яма, свалились на голову господину старосте, он взревел! Да так ужасно, так страшно, что Заяц... нет, он не упал в обморок, потому что, если б зайцы падали от страха в обморок, их бы давно всех съели! Однако он очень, очень испугался, прыгнул за куст, мечтая остаться там навсегда или, по крайней мере, до тех пор, пока это все не прекратится.

Но как достаточно разумный зверь, Игнатий понял: это не спасение, не выход. Надо Михайле помочь... Может, еще и награду заслужишь. А потому он выступил вперед, склонился над ямой и сказал приветливо, скромно и с почтением:

— Добрый денек, Михайло Медведич...

— Вы что тут натворили, а?! — взревел хозяин леса.

Барон в это время просто потерял дар речи. Он даже бекать и мекать словно бы разучился, чего с существами его породы, кажется, никогда не случается. Попугай Красавцев затаился среди сосновых лап и временно перестал дышать.

Заяц понял: расхлебывать все придется ему — больше-то некому. Но как же быть? Начать рассказывать про ужасное рэкетиристство подлого лиса и про его, Зайца, хитроумный план...

Да вы только представьте, сколько на это уйдет времени! И потому Заяц просто сказал голосом скромного, но великого героя:

— Михал Медведич, позвольте мне вас спасти!

А господин Потапов уже более-менее освоился в яме. По крайней мере, он понял, что самостоятельно ему отсюда не выбраться. Не хотелось, конечно, ронять достоинство старосты и верховного судьи. Но и сидеть в этой... дыре тоже отнюдь не хотелось! И он сказал спокойным, величественным голосом:

— Что ж, не возражаю, спасай...

А Заяц ведь помнил, как он вытащил из ямы Барона Овцебыка, и подумал, что сейчас то же самое сделает и с Михал Медведичем — какая разница-то, верно?

Оказалось, однако, что совсем не верно: разница именно была и очень даже значительная! Когда Заяц бросил пленнику ямы веревочный конец, а тот... даже и не полез, а только взялся за веревку, Игнатий сразу понял: секунда — и он сам окажется в яме: слишком у них со старостой Потаповым были разные, как говорится, весовые категории!

И поэтому бедный балалаечник истошно заорал:

— Стоп! Стоп! Отставить!

А Михайло, между прочим, когда-то служил во флоте старшиной второй статьи. Поэтому, услышав команду: «Отставить!», бывший моряк сразу отпустил веревку и стал по стойке «смирно».

Это ужасно понравилось Игнатию Зайцу, он сразу приободрился, приосанился. Принял свой обычный самоуверенный вид. Крикнул Барону, который все еще пребывал в полуобморочном состоянии:

— Ты будешь делом заниматься, в конце-то концов!

Они взялись за веревку, попробовали потянуть, но куда там — Михайло Медведич оказался куда тяжелее их обоих. И даже если бы прибавить сюда Попугая Красавцева, а также и Тихона Собакина, Ивана Петуха, Куру — все равно ничего не получилось бы... Вот так история!

— Тут нужен подъемный кран! — веско сказал Попугай, который наконец пришел в себя...

Эх, горожане! Ничего вы не понимаете в сельской жизни. Ну, откуда здесь, в самом деле, взяться подъемному крану!

Игнат Раскосович хотел это все сказать Красавцеву. Но тут ему в голову пришла такая умная мысль, что он чуть не подпрыгнул до потолка. Хотя в лесу потолков еще меньше, чем подъемных кранов.

— А ну-ка дай сюда веревку! — строго сказал он Овцебыку. Потом, совсем уже другим голосом обратился к пленнику: — Михайло Медведич, одну... буквально одну минуточку! Вы ведь, кажется, служили в десантных войсках?

— Было дело... в морской пехоте, — не без гордости отвечал Потапов. — Служил и даже получал поощрения от начальства! Помнится, был у нас один Слон...

Заяц же, несколько его не слушая, привязал свой конец веревки к здоровенной сосне, на которой, между прочим, продолжал сидеть Красавцев.

— Извините, Михал Медведич, что перебиваю ваш исключительно интересный рассказ. А ну-ка, проявите свою боевую выучку!

«Надо же, как он умно рассудил! — тяже-

ло ворочая рогатыми мозгами, думал Овцебык. — Уж такое дерево не то что этого медведя, оно и его командира Слона выдержит!»

Барон Бананович рассудил совершенно правильно... да только не совсем!

Потапов взялся за веревку — по правде говоря, он волновался слегка: а вдруг не вылезет: ведь уж столько лет без серьезной тренировки! Красавцев, который сидел на сосне, подумал... не то чтобы со страхом, но все же с чем-то на это похожим: «А вдруг у дерева корни слабые?.. Надо бы перелететь от греха...»

Но дерево-то как раз выдержало! А вот веревка... Сперва она натянулась, как струна, потом закрипела каким-то странным скрипом, потом затрещала... А Михайло в это время все лез да лез, вспоминая десантные навыки и умения. Край ямы был уже близок...

Эх, вот уж действительно говорят: близок локоток, да не укусишь!

Веревка отчаянно затрещала и — о Боже! — хозяин лесов всей, извините, тушей ка-ак шмякнется обратно на дно!

Невиданный столб пыли, мелких сучков и осенней листвы вылетел из ямы, словно из жерла какой-то громаднейшей пушки или даже вулкана. Потом слышались такие невероятные и суровые проклятия — в

адрес Зайца, его веревки, веревкиной мамы и так далее и тому подобное. В книжках такого обычно не печатают... И мы не будем!

Альберт-спаситель

Просто даже и представить невозможно, чем бы кончилась эта история, если б на поляне возле ямы не появились новые, как говорится, персонажи... То есть, проще говоря, из лесу вышли... совершенно верно: лис и белка.

Остановились в недоумении:

— Позвольте узнать, — с достоинством, но очень вежливо проговорил лис, — позвольте узнать, что здесь такое происходит? — Заглянул в яму. — Михал Медведич, дорогой! Как вы там оказались?!

— Да вот, — ответил Потапов, потирая бока, — по вине этого субъекта! — и указал пудовой когтистой лапой на Игнатия.

— Вы зачем же так обращаетесь с уважаемыми гражданами нашего леса?! — очень строго спросил лис.

— А с кем имею честь разговаривать?! — в свою очередь и тоже строго... взвизгнул Игнатий.

— Что ж, позвольте представиться. Лисовой Альберт Хвостатович, известный художник. А это моя невеста, Бела Пушистенко!

Заяц ничего не успел ответить, как из кустов выскочил знаменитый пес-контрразведчик и радостно закричал:

— Я же говорил: они не виноваты!

— Не виноваты?.. — Лисовой живо повернулся к верному псу. — Кто не виноват? В чем не виноваты?!

— Да, понимаете, тут дело в том, что у одного нашего друга пропала жена... короче говоря, она, понимаете ли... курица...

— Так-так-так... — физиономия у Лисового сразу стала напряженная. — И на этом основании вы за нами крадетесь?..

— Алик, прошу вас, не надо, — очень мягко сказала Бела Пушистенко.

— Простите, сударыня, но это вопрос чести! — Лисовой был сейчас очень строг. — Прошу объясниться, господа!

Но тут из ямы раздался буквально стон, буквально вопль:

— Альберт! Будьте другом! Вытащите меня отсюда!

— Ах, простите, Медведич! — воскликнул Лисовой.

Затем строго глянул на Зайца, Барона и представителей Бюро находок:

— Поступаете в мое распоряжение!

Дальше он стал действовать очень умно. Отправился в свою, уже известную нам, избушку, прихватив с собой для компании

Тихона, и по дороге очень подробно его обо всем расспрашивал. Когда же наконец узнал, в чем суть дела, всплеснул руками и воскликнул:

— Ну, до каких же пор это будет продолжаться?.. Доколе?!

— Это ваша судьба, мой друг, — очень кротко ответила Бела Пушистенко. — Вас всегда будут обвинять в том, что...

— Да ведь я не ем курятины! И, стало быть, мне нет надобности таскать кур! Я вегетарианец! Вы понимаете это?! — последние фразы Лисовой уже кричал, так что эхо испуганно разбегалось по лесу в разные стороны.

— Конечно. Я все понимаю, — отвечал Тишка.

Хотя абсолютно не знал, что вегетарианцы — это те, кто не ест ни колбасы, ни ветчины, а питается только овощами, корнеплодами, фруктами, орехами и хлебом, который по-ихнему, по-вегетариански, называется злаками.

Оставив Белу дома, ибо «вам, сударыня, нечего делать в мужской компании», Альберт Хвостатович и Тишка взяли из лисьего сарая веревку и хитроумные колесики, которые называются блоками. Нагруженные этим добром, они вернулись на поляну. Дальше Лисовой соорудил из тех самых блоков и

принесенной веревки очень странную конструкцию, которая, однако, работала, двигалась, а главное — могла поднимать и опускать грузы.

Опускать им ничего не требовалось, а вот поднять... Поверьте, это было воистину потрясающее зрелище, когда над краем ямы показался медведь, весь опутанный веревками, которые важный Альберт называл стропами.

— Осторожнее! Заводи влево! — по привычке своей приказным голосом завопил Заяц.

Однако Тишка положил ему лапу на плечо:

— Ты бы лучше помалкивал, Игнат Раскосович!

Михайло Медведича в результате благополучно вынули. Все расстались друзьями и даже обещали ходить друг к другу в гости. Так что все, можно сказать, закончилось прекрасно.

И только одно было печально до ужаса: надежда найти Куру Клювовну таяла, как то самое мороженое, про которое я здесь уже говорил однажды.

Ночь, тревога

В дом Петуха пришла настоящая беда. Дети рыдали по углам. Да и сам Иван Петрович еле держался. Шутка ли — любимей-

шая подруга жизни, столько лет вместе! И вот теперь... Жители Большой Медведевки старались как-то утешить несчастного отца-одиначку. Да уж какие тут утешения!

— Мы должны ее ррразыскать! — Попугай Степаныч ходил по Бюро находок из угла в угол. — Все говорррят, что мы прррекрасные ррработники... Ну, и где же ррработа?!

Тишка, который уж было прилег на свою подстилку, чтобы до утра смотреть мультипликационные сны, поднял морду, вздохнул, пожал плечами:

— Не пойму, Степаныч... Разве мы не стараемся?

— Хм... «стараемся». А что от твоей старательности толку?

Хотя и от его собственной старательности толку тоже не было никакого!

— Тут, Тихон, нужна стррратегия!

Тишке неловко было спросить, что это за мудреная штука такая — стратегия. Потому что спросишь, он тебя начнет корить да обсмеивать за неученость. Но Степаныч в этот момент как раз находился возле плиты, а на ней стоял котелок с кашей, сваренной как раз по рецепту Красавцева: половина гречневой крупы, половина пшенной. Вот пес-розыскник и сказал, что стратегия у них действительно пока не очень: ее следует еще

поварить и сольцы добавить и ложку сливочного масла...

Попугай остановился посреди комнаты, сказал строго и начальственно:

— Учиться надо, дррружок!

А потом объяснил, что стратегия... ну это вроде как план, только с научным названием.

«Чего ж тогда голову морочить!» — подумал Тишка, но ничего не сказал, потому что был исключительно спокойным и выдержанным псом. Просто повернулся на правый бок, на котором, как известно, всегда показывают мультсны со счастливыми концами, и заснул.

А Попугай Красавцев еще долго расхаживал по дому. Но потом тоже вынужден был лечь, потому что ничего... ничегошеньки не мог придумать!

Эх, если б он умел видеть в темноте, если бы умел... Он тогда увидел бы, как в окно к ним заглядывает некое существо, с огромным презрением смотрит на встревоженно-го Попугая, на спящего Тихона и злобно, ехидно усмехается!

Тяжелый разговор

Наутро они увидели прищипленную к их дверям записку: «Дураки! Никогда вы меня не найдете! А если хотите, чтоб ваша дура

была пока что жива, немедленно к сегодняшнему вечеру выставьте перед своим домом четыре копны сена и не подсматривайте, кто их возьмет. Доброжелатель».

Вот это да, вот это наглость!

Попугай велел Тишке сбегать за Овцебыком и Заяцем. Теперь все четверо сидели в Бюро за большим столом. Самовар пыхтел, приглашая испить чайку. Но им было, конечно, совсем не до чаю.

— Двух мнений быть не может, — говорил Заяц. — Рэкетир — корова!

— Почему именно корова? — спросил ученый, покачивая своими красиво закрученными рогами.

— Потому что сено больше никому не нужно. Только корове! Так что двух мнений тут быть не может!

— Как раз тут два мнения очень даже могут быть, — покачал головой Тишка. — Свежее сенцо нам, например, со Степанычем очень пригодилось бы — тюфяки набить...

Сейчас же Заяц очень подозрительно уставился на работников Бюро, а под столом на всякий случай наступил на ногу Барону, что, мол, будь начеку! Но от волнения по нечаянности наступил не господину Овцебыку, а... Тихону.

Тишка тотчас окинул всех своим служебно-розыскным взглядом:

— Вы только не делайте неправильных выводов и не порите горячку!

— В смысле чего?

— В смысле того, что мы уже один раз по твоей милости обвинили невинного...

— Ну и что? — запальчиво крикнул Заяц. — Мы вели расследование. А в расследовании возможны ошибки!

— Правильно, возможны! Но нельзя же без конца ошибаться!

— А почему ты рррешил, что сейчас тоже получится ошибка? — спросил Попугай.

— Потому, Степаныч, что я хорошо знаком с Буренкой Быковной. Да и ты ее тоже хорошо знаешь! Разве она станет свою подругу воровать?

Красавцев вспомнил исключительно добрую, спокойную и очень доброжелательную Буренку Быковну Коровину — как она его угощала по-соседски чаем со свежими клеверными семенами... Нет, конечно, Тихон прав. Не похожа эта достойная дама на... рэкетиршу.

Заяц сердито передернул ушами:

— Но мы же должны кого-то подозревать! Следствие не может стоять на месте!

Тишка собрался ответить, что это глупо, что так они ничего не добьются, подозревая кого попало... Но не стал, что называется, толочь воду в ступе. Да и Заяц понял, что брякнул ерунду.

Наступила так называемая тяжелая пауза, когда делать что-то надо, а вот чего делать — неизвестно. Ведь у них даже не было ни одного нормального подозрения, одни глупые домыслы.

А бандит в это время преспокойно и безнаказанно гулял на свободе! А бедная Кура Ключовна... но об этом даже думать было страшно!

И тут вдруг в дверь к ним постучали... Все присутствующие невольно вздрогнули.

Напали на след!

Секунда медленно проползла, словно невидимая черная кошка. Наконец Тишка набрался мужества и сказал:

— Войдите!

Скрипнув, дверь как-то нерешительно отворилась.

На пороге стояли... Альберт Лисовой и Бела Пушистенко.

— Вы только нас извините, пожалуйста, — скромно, но с достоинством начал художник. — Может быть, наши наблюдения покажутся вам сущей чепухой...

— А может, как раз и нет! — весело перебил его Заяц. Он старался подружиться с Альбертом, потому что чувствовал себя перед ним виноватым. — Вы рассказывайте, рассказывайте, пожалуйста. А мы как опыт-

ные контрразведчики вас послушаем. Ведь у художников, известно, очень верный глаз!

— Ой, ну что вы! — Лисовой смутился.

И тогда Бела аккуратно, однако решительно оттеснила своего жениха назад и начала говорить сама. Оказывается, вчера они ездили в соседний город, в Мухоморьевск — купить красок и кистей. Все, что нужно, они действительно купили. А потом заглянули на рынок. И там увидели, что одна Бобриха... продает яйца!

— Вот это номерrrr! — воскликнул Попугай Красавцев. — Дело пахнет керрросином!

— Не слышал, чтобы эти звери несли яйца! — зловеще пробормотал Игнат Заяц.

— А ведь, кажется, бобры и особенно бобрихи... такие, понимаешь, беее-вееежливые! — сказал Барон Овцебык с явным возмущением. — Теперь все понятно, зачем они украли нашу беее-сценную Куру... Ух! Земноводные несчастные! Буквально зла не хватает!

— Не беспокойся, — заверил его Заяц. — Зла у нас хватит!

— А кто знает, где они живут, эти бобры? — спросил Тишка.

— Мы могли бы показать, — сказал художник очень тихо. — Их вообще-то фамилия Грызуйло...

— Кого?

— Ну... вот... семейства бобров. Только, понимаете, они совершенно не похожи на похитителей. Очень добропорядочные жители лесных угодий... И мы имели в виду просто с ними посоветоваться.

— Посоветоваться?! — вскричал Игнатий Заяц. — Это, знаете ли, просто уже невозможно! Все такие милые, все такие расчудесные... А Кура Клювовна в это время страдает!

После этих слов даже Тихону нечего было сказать!

Они все же попили чайку на дорожку с прекрасным, между прочим, орехово-земляничным печеньем, которое принесла Бела Пушистенко, и отправились к бобрам.

Степаныч знает!

Путь оказался неблизким. До бобриной хатки добрались, уже когда на небо вылез рогатый месяц... Это было очень красиво: один месяц на небе, другой, почти такой же, только еще яснее и золотистей, неподвижно лежит в глубине черной таинственной заводи, неподвижно разлившейся возле запруды, которую построили бобры.

В низенькой, но довольно-таки обширной хатке уютно горело окно. Неужели за окном этим сидят бандиты?

Пришедшие молча переглянулись. Аль-

берт Лисовой растерянно пожал плечами, Заяц отвернулся и сердито хмыкнул. И тогда Попугай Красавцев твердым шагом подошел к двери, решительно и сильно ударил в нее клювом:

— Госпожа Грызуйло здесь проживает?

— Да, здесь, — слышался из-за двери сильный бас. — А с кем имею честь?

— По делу, из Бюро находок!

— Из Бюро находок?! — и дверь широко отворилась. — Проходите, пожалуйста!

На пороге стоял крепкий мужчина — в клетчатой фланелевой рубашке, в рабочих джинсах, с трубкой в зубах. Увидев такую многочисленную компанию, он... не то чтобы испугался, но все же удивился. Однако в этот момент заметил знакомые лица — Белу и Альберта, — вынул изо рта трубку, выпустил клуб, надо заметить, очень ароматного дыма и сказал чуть растерянно:

— Прошу заходить... Как раз ужин готов.

— Яичница? — невинно спросил Игнатий.

— Почему яичница? — удивился бобер. — Пирожки со свежими осиновыми прутьями.

Хотя наши путники порядком проголодались после длинной дороги, однако на бобриное приглашение поужинать ответили вежливым отказом: ведь у всякого свой вкус! И только Игнат Раскосович уплетал пироги почем зря. А наевшись до отвала, спросил у

хозяйки, которая скромно стояла возле стола, спрятав руки под фартуком, и следила за тем, чтоб на тарелке у гостя всего было вдосталь... Итак, Игнатий спросил у бобрихи:

— Вы скажите мне, пожалуйста, Дарья Шкурковна, это правда, что позавчера на базаре в Мухоморьевске вы яичками торговали?

Бобриха в ответ растерянно и виновато улыбнулась, посмотрела на Альберта и Белу:

— Д-да... А что, разве нельзя?

— А у вас откуда яйца... куриные?

— Да так... по случаю...

— А нельзя ли узнать, что за случай такой?

— Случай... — Дарья Грызуило нервно вытерла совершенно сухие и чистые лапы о передник.

«Неужели все-таки они? — подумал Тишка. — Вот как, оказывается, бывает: лицо честное, а в душе — гниль!»

— Я вообще-то ничего плохого не сделала! — произнесла Дарья с волнением. — Скажи им, Федот!

Бобер поближе придвинулся к жене...

— Но вы их где все-таки взяли? — наступал Заяц.

— Да она мне дала, сама...

— Кто? Курица?... Кура Клювовна?

— Нет, почему курица? Я вам ничего такого не говорила. А с этой Курой Клювовой вообще не знакома... Слыхала только, что есть такая...

— Так кто же мог вам дать ккуррринные яйца?! — воскликнул Попугай.

— А вам это, собственно, зачем? — спросил бобер очень спокойно, однако таким тоном, что крепко подумаешь, прежде чем говорить что-либо резкое.

И тут всем на выручку пришел Альберт Лисовой:

— Видите ли, Федот Клыкович, дело в том, что с этими куриными яйцами, возможно, связано одно загадочное и очень опасное преступление!

Далее знаменитый художник коротко и в то же время очень толково рассказал бобрам о происшествии в курином доме... Бобры в ответ так и ахнули!

— А вы не скажете, как выглядел тот продавец? — мягко продолжал Лисовой.

— Трудно сказать, — Федот Клыкович посопел трубкой. — Ну, во-первых, это была продавщица, а не продавец... В таком плаще свободном, а на голове платок по самые глаза... Вот и все, пожалуй.

— Чуяло мое сердце, — Дарья Шкурковна хлопнула себя по бокам, — не надо было нам с нею связываться! А ты мне все: возьми да возьми... Теперь расхлебывай!

Федот Грызуило в ответ лишь руками развел и ничего не ответил.

— Чего ж ты молчишь! — продолжала наседать жена. — Он все, понимаете, уговаривал меня да уговаривал, что, дескать, сделка очень уж выгодная...

— Какая же выгода? — строго поинтересовался Красавцев.

— Ну, как же: полное лукошко яиц всего за два кило пшеницы и пять медных колечек...

— Блестящих? — вдруг спросил Попугай.

И Тишка, который всегда верил в ум своего друга, теперь мог только плечами пожать... в душе, конечно, — чтобы не опозорить Красавцева перед жителями Большой Медведевки: блестящие или неблестящие — какое это имеет значение!

— Да, блестящих, — неожиданно подтвердила Дарья. — А вы откуда знаете?

— Пррроницательность!

Все посмотрели на Красавцева с большим удивлением. А особенно после того, как он вдруг заявил:

— Теперь мне все пррредельно ясно!

«Чудит Степаныч...»

На следующее утро Тишка и Попугай Красавцев отправились в Мухоморьевск. На чердаке деревенского Бюро находок они еще в

первый день обнаружили старый велосипед...
причем действительно старый — с колесами от телеги, с рулем, выструганным когда-то из толстой кленовой ветки, с цепью, ко-

торая была, вернее всего, взята напрокат у какого-нибудь сторожевого пса.

В тот раз они только посмеялись над этим «драндулетом» и оставили его стоять в темном углу под покрывалом пыли и паутины. Но теперь — деваться некуда — выволокли древнюю машину на свет Божий, почистили, смазали... На ходу велосипед все равно продолжал немного скрипеть. Однако ехал. И очень даже неплохо!

Тишка сел за руль, Красавцев — на багажник, и они отправились в путь-дорогу. По лесным тропинкам, с горки на горку, через овражек, через речку, через маленькое болотце. И вот на холме завиднелся Мухоморьевск.

— Чего мы там все-таки будем делать? — спросил Тишка.

В ответ Попугай только нахохливался и загадочно крутил головой.

— Значит, скрываешь? От близкого товарища!

— Секрррет, Тихон! Кррругом уши!

— Уж ладно тебе — «уши»! — Тишка с обидой приналег на педали, сделанные, между прочим, из потемневших от времени дубовых плашечек. — Просто сказать не хочешь, строишь из себя слишком много!

И тут как раз с ближайшей ветки ближайшей березы сорвалась какая-то птица, мгновенно пропала за деревьями. Тишка, который, как всякий дисциплинированный водитель, смотрел на дорогу, оглянулся, когда уж той птицы и след простыл.

— Это кто был?

— Уши! — ответил Красавцев со значением.

— Да брось ты наводить тень на плетень... Это же кукушка была.

— Может, и кукушка... если тебе так нррравится!

Тихон даже остановил велосипед:

— Слушай, Степаныч, ты чего, в самом деле? Можешь толком ответить: мы зачем в Мухоморьевск?

— Как зачем, — шпионским, поддельным голосом заговорил Красавцев, — других посмотреть, себя показать. По городу пошатать-

ся. На рынок заглянуть! — тут он так зверски стал подмигивать Тихону, что тот даже растерялся. — Ты забыл, видать, — продолжал Попугай, — что у меня овес кончился?

Ни про какой овес перед этим они вообще не говорили. Но Тишка кивнул на всякий случай:

— Ах, овес?.. Ну, да, помню-помню...

И с тем они въехали в Мухоморьевск. Долго колесили по его то ровным, то кривым, как у всякого небольшого городка, улицам. Тишка крутил педали, а Красавцев сидел у него за спиной и командовал:

— Налево, налево! Теперь прямо пошел, теперь опять беррри левее... Теперь напррраво заворачивай!

— Мы куда все-таки едем? — не то спросил, не то наконец прорычал верный пес, потому что всякой верности в конце концов бывает предел, согласитесь. — Упарился я! Давай хоть передохнем минутку, в чайную заглянем или в трактир...

— Заглянешь-заглянешь, но только позже, — отвечал Попугай, — а пока что сверни-ка во-он в ту улочку...

— Куда мы все-таки направляемся?

— Хм! У тебя, Тихон, память дырррявая! На рррынок мы едем, на базаррр, пшена мне купить!

— А говорил, овса...

— Да, говорил. А теперь говорррю: пше-на!

И в это время ущипнул Тишку за хвост: что, дескать, имей же голову на плечах, помалкивай! Тишка оглянулся: ну буквально ничего подозрительного... Чудит Степаныч!

С огромными предосторожностями

И вдруг Красавцев закричал:

— Ой! Смотрри! У тебя колесо спустило! Торррмози свой трррактор!

Тут Тишка вообще ничего не мог понять. Колеса ведь у них были тележные, то есть деревянные, с деревянными толстыми спицами, а сверху на обод был набит железный обруч.

Что тут могло спустить?..

Однако дисциплинированный пес послушно остановил велосипед, потому что... потому что не такой уж он был дурак — видел и понимал: его приятель затевает какую-то странную игру. Понять ее Тихон пока не мог. Но и мешать, конечно, не собирался. Потому что отлично знал, какой на самом деле Попугай Степаныч Красавцев!

— Верно, прокололось, — сказал чуткий пес, останавливая машину, — сейчас мы его заменим.

И стал возиться возле велосипеда, чего-то там подстукивая молоточком да поигрывая долотом. Редкие прохожие не обращали на

них никакого внимания. А Попугай в это время как-то странно ходил взад-вперед вдоль забора, у которого они остановились, все чего-то разглядывал. Один раз и вовсе остановился, сказал:

— Ой, шнурок развязался!

Хотя никаких шнурков на его когтистых лапах отродясь не было и быть не могло! Тишке страсть как хотелось все у него разузнать. Однако розыскной пес отлично понимал: надо соблюдать маскировку и военную тайну.

— Ну вот, все прррекрасно! — закричал вдруг Красавцев. — Можно ехать! Молодчина, Тихон!

И они поехали. Но вовсе не на базар, как предполагал Тишка, а прочь из города. Миновали первую горку, вторую, третью. И наконец остановились в чистом поле... Кругом ни души, небо над головой пустое, серое. Невольно Тихон огляделся с тревогой.

— Никого? — спросил Красавцев.

— Сам же видишь! — и голос у смелого пса почему-то дрогнул.

— Вот теперь, Тихон, слушай мою тайну!

Исключительно догадливый пес

Попугай еще раз внимательно огляделся — никого кругом. И только тогда стал рассказывать.

— Помнишь ты, что сказала бобррриха Дарррья?

— Ну, помню, — неуверенно ответил Тишка.

— Она сказала, что та... особа, — тут Красавцев понизил свой голос до хриплого шепота, — хочет за яйца... помнишь, что она хочет или нет?! — да так строго уставился на Тишку.

— Зерна какого-то... В чем дело-то, Степаныч?..

— Эх ты, «зерна»! А еще считаешься моим заместителем!

Никаким заместителем Тишка у Красавцева не был и никогда не считался. Но сейчас решил не обращать внимания на такую чепуху.

— Она сказала, — вновь перешел на шепот Красавцев, — что хочет за лукошко яиц два кило пшеницы и... помнишь?

— Чего ты привязался?.. Кольца какие-то...

— Не кольца, а колечки. И не просто, а блестящие — я еще специально переспросил!

— Ну... допустим...

Тишка уже начал кое-что соображать, однако что именно, пока не знал. Посмотрел внимательными глазами в глаза своего старого друга:

— Погоди-погоди, Степаныч... Это что же получается?.. Блестящие предметы...

— Пррравильно! — закричал Попугай. Да таким голосом, словно его пчела ужалила. — Пррравильно, пррриятель!

— Неужели... Сорока? — одними губами проговорил Тихон.

— Точно! — одними губами хотел ответить Красавцев. Но, как известно, у попугаев нет губ. И ему пришлось проговорить это одним клювом. — И ты слушай дальше! Помнишь то место, где мы велосипед чинили... якобы? Ты с колесом возился, а я в это время местность изучал!

Тишка хотел что-то вставить, но Красавцев прямо-таки с орлиной строгостьюглянул на него:

— Помалкивай... Помнишь ты, как там было?

— Ну... это... забор какой-то...

— А калитку помнишь?

— Не-эт... Что-то не припоминаю.

— А ворота — хоть какие-нибудь?

— Тоже нет!

— Тогда ответь мне на один очень пррро-

стой вопроосик: как же хозяин... или, вернее, хозяйка в дом попадает, а?!

И опять Тишке надо было о чем-то догадываться — о чем-то очень важном, о чем-то...

— Степаныч! Родной! Знаю! Она же на крыльях через забор — вот и попадает!

— Прравильно! Сама на крыльях, а других никого в дом не прриглашает... И значит, чей это дом?..

«Сорокин! — хотел закричать Тихон. — Это дом Сороки Натальи!»

Но Попугай Степаныч своевременно закрыл ему рот крылом.

Тайный план

Тут, пожалуй, все-таки надо кое-что пояснить. Потому что, может быть, не всем попалась первая книжка про Бюро находок.

Так вот имейте в виду: у работников Бюро — Дедушки, Тишки и Попугай Степаныча Красавцева есть злейший враг... а вернее сказать, злейшая врагиня — Сорока Наталья!

Это она в мрачный ночной час пробралась в Бюро и украла разные ценные предметы, например, Тишкину медаль, на которой было написано: «Лучшей собаке района». Хитрыми способами и крепким клювом Наталья

переделала эту надпись, получилось: «Лучшей СОРОКЕ района».

А потом она шла к детям и «преподавала» им всякие гадости: например, как обмануть маму, как стереть двойку, как вырвать из дневника страницу, на которой написано замечание. И еще много всего такого же, о чем и говорить-то не хочется!

После того как работники Бюро разоблачили Сороку, посадили ее в клетку и даже собирались отдать в школьный живой уголок, Наталья улизнула, но поклялась вечно им строить каверзы — это во-первых, а во-вторых, никогда не исправляться, что бы ни произошло. И, похоже, она свое слово держала крепко!..

Игнатий Заяц, когда узнал о Сороке, только головой покачал:

— Нет, братцы, надо эту Наташку немедленно изловить! И потом...

Здесь он стал придумывать злодейке разные наказания — одно суровей другого. Например, отправить ее в Антарктиду, к пингвинам на исправление, или заставить ее каждый день...

— Ты остановись-ка, дорррогой, — прервал его Красавцев. — Наказания после придумаем, сперва давай решим, как мы ее поймем.

Заяц остановился на полуслове, расте-

рянно посмотрел на Степаныча, на Тишку, на Барона Банановича и Петуха, которые тоже присутствовали при этом разговоре, хлопнул глазами, хлопнул глазами еще раз и... умолк.

— Я знаю, что нужно сделать! — вскричал Иван Петух. — Ворваться к ней в ее логово и...

— Да пока мы будем врываться, она сто раз улетит! — покачал ушами Заяц, который хотя сам ничего не придумал, но критиковать был готов кого угодно.

— А если попросить... вон Банановича, — заговорил Тишка, — он ведь у нас умный, рога крепкие...

— А при чем тут рога? — снова влез нервный Игнатий.

— погоди ты! Этими рогами да в Сорокин забор, ка-ак...

— Ррразобьешь рррога, — Красавцев покрутил головой. — Там досточки двойные, дубовые!

— Послушай, Степаныч, — тут Иван Петрович даже кукарекнул от возбуждения. — Зачем ворота ломать, зачем нам врываться... У нас же с тобой крылья есть!

— Пррравильно мыслишь! — воскликнул Попугай. — И на этом, ррребята, построен весь мой план. Слушайте и не перрребивайте!

Все наклонились к мудрой птице. Наступила полная тишина.

Даже настольная керосиновая лампа вроде бы поубавила света, потому что наступил очень тайный момент.

Хриплым шепотом Красавцев стал излагать свой хитроумный план.

Поддельный скворец

На следующий день начались довольно-таки странные дела. Кто знал Попугая Красавцева достаточно давно, тот просто не мог бы глазам своим поверить.

Тихон как раз был знаком со Степанычем уже — о-го-го. И при этом прекрасно знал весь его план. Но, тем не менее, чуткий пес то и дело кусал себя за бок и тер глаза, чтобы убедиться: нет, я не сплю!

Да и было от чего прийти в изумление. Бела Пушистенко макала кисточку в иссиня-черную краску и мазала ею... Красавцева!

Невероятно. Однако факт!

Лис в это время по чертежу, взятому из древнего журнала «Юный натуралист», пилил дощечки. Заяц, как мог, помогал ему: поддерживал, подносил, подавал. Великий деревенский ученый в это время задумчиво смотрел на новые ворота: он ждал, когда придет его черед.

И вот наконец черед Барона Банановича пришел. Лис укладывал дощечки в нужном порядке, Заяц приставлял куда следует гвоздь, а Барон Овцебык своими исключительно умными и мощными рогами с разбегу вгонял гвоздь в доску.

Через каких-нибудь полтора часа работа была закончена. Теперь все могли видеть, что получился вполне приличный и даже слегка красивый... скворечник. Тут и Бела закончила свою странную работу. Теперь Попугай стал черен, словно трубочист!

— Не пррравда ли, я похож на скворрр-ца?

— Хвост длинноват, — сказал Альберт.

— Хвост подрррезать не дам! — вскричал Красавцев. — Это уж будет полный кошмаррр! И позоррр!

— Знаешь, дорогой, — запальчиво отвечал ему Заяц, — у нас в народе так говорят: взялся за гуж, полезай в кузов!

Окруженный орущими, смеющимися и плачущими детьми прибежал Петух:

— Степаныч, родной! Да плюнь ты на хвост! Неужели из-за твоего несчастного хвоста они сиротами останутся?!

И резанул огромными ножницами... воздух.

Но довольно-таки близко от красавцевского хвоста!

— Да тихо вы, тихо, господа! — сказала умная и очень добрая Бела. — Есть выход и без ваших ножниц! — с этими словами она подколола Красавцеву его роскошный хвост, да так ловко, что он стал казаться совсем коротким, даже, пожалуй, куцом.

— Прекрасная работа! — и Альберт Лисовой с восхищением посмотрел на Белу.

Впрочем, он всегда на нее так смотрел.

Разведчик на задании

Затем вся компания отправилась в Мухоморьевск. Однако на окраине города каждый пошел в свою сторону, по своей улице — словно они были совсем не знакомы...

А в результате — хотя и разными дорогами — пришли к одному и тому же забору, сделанному из двойных дубовых досточек. Здесь члены тайного отряда из Большой Медведевки попрятались кто куда, и только Бела Пушистенко совершенно открыто, даже напевая песенку, подошла к тополю, что стоял недалеко от Сорокиной усадьбы.

Очень ловко красавица белка взобралась на это дерево и стала пристраивать там скворечник — дело далеко не простое, особенно для женщины. Однако Бела справилась с ним.

— Ах, какой скворечничек! — восклик-

нула она, словно бы любуясь своей работой. На самом деле это был условный сигнал.

И почти тут же из куста появился некто черный, со слипшимися всклокоченными перьями. Буквально едва-едва он долетел до скворечника, плюхнулся на жердочку, которая всегда бывает у скворечников возле входа.

— Ах! — на всю улицу сказало черное существо. — Видно, не добраться мне до жарких стран с моим бронхитом. Что ж, буду зимовать в этой конурке.

Сказав так, Попугай Красавцев, а это был, конечно же, он, забрался в скворечник и там припал к специально оставленной Альбертом Лисовым щелке, через которую очень удобно было наблюдать за всем, что происходит на вражеской территории, в смысле у Сороки на участке.

Так ему пришлось сидеть довольно долго. И довольно скоро он понял, что зря подумал, будто отсюда так уж удобно наблюдать! Ничего подобного, совсем не удобно: жестко, все время приходится смотреть одним глазом, клюв упирается в доску. В общем, удовольствие ниже среднего.

Однако Красавцев все-таки был вознагражден за свои страдания. Дверь небольшого аккуратненького домика наконец открылась

и оттуда вразвалочку, очень наглой такой походкой вышла... Сорока Наталья!

Остановилась возле сарая, распахнула дверь... И тут Попугай увидел, что за этой дверью еще есть деревянная крепкая решетка, а уж за той решеткой, как настоящая узница, сидит... правильно — Кура Клювовна!

— Так что же ты мне скажешь, обманщица? — проскрежетала Наташка. — Выполнишь мой приказ или нет?!

— Матушка! — сразу заплакала Кура. — Не погуби! Пожалей моих детушек!

— Интересно! А кто меня пожалеет? — проговорила Сорока исключительно неприятным голосом. — Я тебе толкую одно и то же: снеси яйцо, снеси мне яйцо!

— Поверьте, госпожа: я не умею золотые!

«Ах, вот чего она хочет! — в своей засаде подумал Красавцев. — Золотые яйца ей подавай... Сорока подлая!»

— Не сумеешь, так детей своих лишишься! А муженька твоего...

Она не договорила, потому что Кура Клювовна разразилась такими рыданиями, таким кудахтаньем, что злодейка вынуждена была поспешно захлопнуть дверь сарая.

Затем Сорока медленно и очень внимательно осмотрела все вокруг: не слышал ли кто

чего, не подсматривал ли! Взгляд у нее при этом был подозрительный, злой.

И вот она увидела кое-что новое — скворечник! Так и впилась в него взглядом...

«Спокойствие! — сказал себе Попугай. — Скворечник абсолютно настоящий. Именно в таких по весне скворцы...» И тут он подумал, что ведь сейчас далеко не весна! Значит, ему придется иметь со злодейкой серьезную беседу.

Наталья, словно услышав эти Степанычевы мысли, взмахнула вдруг крыльями и, подметая хвостом ветер, как это делают все ее сородичи, полетела к скворечнику.

«Что же делать, что же делать мне?!» — лихорадочно соображал перекрашенный разведчик. И придумал наконец. Упал на дно своего поддельного жилища, положил крыло под голову.

Едва он успел так улечься, в отверстие, которое в скворечниках служит одновременно и окном и дверью, всунулась сорочья башка. Попугай стал охать и стонать. Да так натурально — просто вылитое тяжело больное существо.

Потом, как бы в бреду, Красавцев начал произносить... то ли мольбы, то ли ругательства. И что очень важно, все с явным скворцовым акцентом. Но Сорока не была бы собой, если б поверила ему сразу.

— Эй, ты кто такой? — голос ее звучал очень скрипуче и подозрительно.

Но Попугай «продолжал свою песню»: ведь он «был в бреду и ничего не понимал».

С задумчивостью убийцы Сорока смотрела на незваного соседа. Еще, слава Богу, что не принялась его «лечить».

Какое-то время она потопталась на шестке возле входа в скворечник. Пробормотала с большой надеждой:

— Чтоб ты подох поскорей...

И полетела восвояси. А Попугай, едва убедившись, что Наташка убралась, со всех крыльев бросился к спрятавшимся в засаде друзьям. Впрочем, он не забыл оставить записку: «Ушел в реанимацию. Умиравший Скворец».

Хотя это была излишняя предосторожность, потому что Сорока Наталья все равно не умела читать.

Прекрасный план!

Теперь они знали все! Оставалось только захватить злодейку и освободить ни в чем не повинную жертву... Догадались? Это мы так говорим про Куру Клювовну.

Весь остаток дня они истратили на то, чтобы достать необходимые для осуществления задуманного плана вещи и... отмыть Красавцева. То и другое было делом весьма

нелегким. Наконец все было готово, но еще какое-то время они сидели в засаде, дрожа от нетерпения и ожидая темноты.

И вот долгожданная ночь опустилась на Мухоморьевск и его окрестности. Тогда спасатели и принялись за дело.

Игнатий и Барон Бананович стали рыть подкоп под могучим Сорокиным забором. Дело это оказалось совсем не простым — почва каменистая да еще и темнота кругом. Но ведь у них был неплохой опыт: помните, совсем недавно они уже рыли... кое-что. С другой стороны усадьбы Иван Петух и Попугай Красавцев ждали условного сигнала, готовые совершить смелый перелет.

— Мне кажется, я ее на части разорву, эту Наташку! — шептал Петух.

— Спокойнее, Ваня! — тоже шепотом отвечал Красавцев. — Мы будем судить ее по закону. И не беспокойся: она получит то, что заслужила! А сейчас главное, чтобы каждый помнил и четко осуществил свой боевой маневр!

Попугаю нравилось говорить по-военному. Ведь он был сейчас настоящий, можно сказать, полководец: от хитроумности его плана зависело очень и очень многое!

— Не подведешь, Иван Петрович?

— Никак нет!

И тут в мертвой ночной тишине раздалось:

— Ку-ку, ку-ку...

«Эх, совсем не похоже на кукушку!» — подумал Красавцев.

Дело в том, что сигнал этот вызвался подавать Барон Овцебык... На тренировках у него вроде получалось нормально... более-менее. А тут — какое-то странное: «Ку-беее! Ку-меее!» И если Сорока не дура, а она была далеко не дура... Н-да, оставалось только надеяться, что она спит сейчас без задних ног.

— За мной, рядовой Петух! — скомандовал Красавцев.

Они захлопали крыльями, взлетели на забор, а затем тихо спланировали в лагерь противника. Неслышными шагами стали красться к дому, пока не наткнулись на что-то очень твердое, и это были знаменитые рога знаменитого деревенского ученого.

— Занять исходные позиции! — свистящим шепотом приказал Попугай.

И тут началось! Генерал Красавцев мог законно гордиться своим подразделением. Его бойцы прекрасно справлялись с заданием.

Заяц занял тайный пост у окна. В руках его был... даже не знаю, как и сказать. Представьте себе сачок, которым малые дети ловят бабочек. Что-то подобное было сейчас у Игнатия. Только куда больше сачка, и не из марли, а из очень прочной капроновой веревки. И не на тоненькой палочке, а на креп-

ком березовом шесте. Красавцев и Петух подошли к двери в Сорокину избушку. У них за спиной стояли Тихон Собакин и Альберт Лисовой, в руках у них была сеть, сделанная из такой же капроновой веревки. Наконец ловкая Бела Пушистенко, тоже с капроновой сеткой, взобралась на крышу и сидела у трубы, чтобы в случае чего...

А в случае чего, кстати? А в случае, если Сорока все-таки вырвется из крепких «объятий» Попугая и Ивана Петровича. Кинется в дверь, тут ее накроют Тихон и Альберт, в окно — Игнатий со своим сачком, попробует уйти через трубу — там ее Бела поджидает!

Знаменитый ученый Барон Овцебык был в резерве главного командования. То есть, проще говоря, должен был по первому же требованию кинуться на помощь тому, кто позовет его известным уже нам условным сигналом: «Ку-ку! Ку-ку!»

Согласитесь, здорово все было придумано!

Через минуту бой!

И вот наступил решающий момент. «Только спокойствие!» — сказал себе Попугай, а сам при этом волновался безумно! Тихонько прочистил горло, постучал клювом в дверь и произнес — удивительно скворцовым голосом:

— Соседка! Сорочка! Откройте, пожалуйста-

ста... Худо мне. Пустите обогреться! А я вам за это денег дам — сто лесных червонцев.

А сто лесных — это, надо вам заметить, очень хорошие денежки. Так что Сорока с ее скарედностью...

Тем не менее из-за двери долго не раздавалось ни звука, затем наконец послышалось:

— Деньги при тебе?

— Да вот они — в кармане, под крылом!

И тут как на грех рогатый ученый от нетерпения переступил с ноги на ногу. А ведь на ногах-то у него... копыта, сами знаете. А под копытами оказалась выстеленная кирпичом дорожка!

В ночной тишине этот подозрительный цокот оказался очень слышен. Но это еще полбеда. Барон — нечаянно, конечно, и он потом извинился! — наступил на хвост Тихону. Мужественный пес терпел, сколько мог, но потом все-таки рыкнул!

Сорока, которая до той поры скрипела и лязгала своими многочисленными замками и засовами, вдруг замерла:

— Одну минуточку...

Но прошло несколько минут, которые показались Попугаю и его отряду несколькими часами или даже неделями.

— Теперь заходите. Готово!

Попугай осторожно тронул дверь — она действительно поддалась.

— Вперрред, в атаку!

И они с Иваном ворвались во вражеское логово. А все остальные участники этой военной операции стояли снаружи на своих постах и с сетями наготове.

Сражение в кромешной тьме

Ворваться-то они ворвались, но дальше началась полная ерунда! Сверху на Попугая Красавцева бросилось что-то волосатое и в то же время твердое. Оно хотело обрушиться Красавцеву на голову, но, к счастью, упало рядом. Попугай кинулся на врага и тут же понял, что это... швабра.

Однако тут же на него свалился веник, а потом еще что-то и еще. Наконец полковodeц догадался, что Сорока специально разложила на полки, на печку, над дверями разные предметы, которые, чуть только дохнешь, падали на тебя. И все в кромешной темноте!

К сожалению, приходилось признать, что это неплохо придумано... Их с Петухом Сорока пыталась обездвигить, чтобы потом — ну, конечно же! — чтобы потом вырваться на волю.

«Не выйдет, голубка. Везде мои посты!»

Успокоенный этой мыслью, предводитель большемедведевцев бросился на ловлю коварной Наташки: ему очень хотелось самому взять ее в плен!

Метнулся в одну сторону, в другую, ударился обо что-то. Однако врагини найти не мог. И это вполне понятно: кругом ведь была крошечная и даже, наверное, крошечнейшая тьма!

— Петрович, заходи слева!

Где там лево, где право, он и сам бы сейчас не сказал, однако Попугай считал, что такие крики сбивают противника с толку.

И тут ему отчего-то вдруг стало не по себе. Почему, что такое, Красавцев понять не мог. Может, дело в том, что ни с того ни с сего на него вдруг повеяло... вот честное слово, могильным холодом! Степаныч даже остановился невольно.

И тут откуда-то слева и сверху на него обрушилось... нет, это была уже не швабра и не веник, и не ведро воды, поставленное хитрым врагом на дверную притолоку (его брызги несколько секунд назад долетели до Попугая). Это было что-то живое, причем... покрытое перьями!

Сорока! Да это же была Сорока!

Ни слова не говоря, вообще не произнося ни одного звука, чтоб Иван Петух ничего не услышал, не пришел на помощь и тем не отнял у него заслуженную славу, Попугай набросился на проклятую врагиню. Не так уж много раз в своей жизни он дрался. Однако читал о драках много. А в книжках говорится, что надо собрать в кулак все упор-

ство, представить, как вы ненавидите своего врага, как вы его не боитесь ни капли и как вы ему сейчас надаете!

Уже просто не помня себя от боевого азарта, Красавцев бросился на Сороку... У нее, кстати, оказался довольно-таки крепкий клюв. Но и Степаныч орудовал своим клювом как надо! У Сороки — и это было странно — оказались довольно-таки острые шпоры. На несколько секунд она даже оседлала Красавцева и лупила его своими шпорами почем зря!

Все же Попугаю удалось сбросить противницу и так впиться в нее когтями, что Сорока буквально завопила не своим голосом. Это как раз происходило на подоконнике. Степаныч догадался об этом, потому что невидимая во тьме Сорока несколько раз треснула его головой о холодное стекло. И тогда Попугай собрал все силы, приподнял Сороку и швырнул ее в форточку... с той стороны которой, как мы уже знаем, дежурил Заяц с капроновым сачком в руках.

— Внимание, Игнатий! Прими «подарок»! — и поверженная врагиня кувырком полетела в форточку.

— Попалась, гадюка! — вскричал Заяц.

И затем послышался тяжелый удар. Степаныч мог бы поспорить, что это Заяц шарахнул Сороку о землю... Ну, вот и все: злодейка схвачена, Куру Клювовну они через

несколько минут освободят. То есть все складывалось как нельзя лучше. Теперь можно было и дух перевести. Попугай тяжело опустился на подоконник.

«Все姆 отдыхаться, благодарю за службу».

Так он собирался сказать. Однако не сказал: ведь он в самом деле был умной птицей и хорошо знал, что никому не охота считать других командирами.

Больше не надо было скрываться, охотники за Сорокой зажгли прихваченные с собой фонари. Открыли дверь сарая, где за решеткой сидела Кура Ключовна — по правде говоря, ни жива ни мертва после такого шума.

— А ну-ка, Баронушка, а ну-ка, Бананович! — говорил Тихон. — Врежь по этой решетке, чтоб от нее одно мокрое место осталось!

Ученый наклонил свою полную мыслей голову, разбежался и с такой силой... ума треснул по решетке, что она застонала и заплакала, задрожала, что твоя осинка под сентябрьским ветром... ну или что-то в этом роде. Со второго удара решетка дала трещину, с третьего в ней получилась дыра. Пока небольшая, но Кура настолько похудела за время своего плена, что легко вышла и в эту довольно узкую дырочку.

— Ах, спасибо вам, спасибо! — с чувством проговорила сия достойная дама, оглядывая

присутствующих, которые держали над головами фонари. — А скажите, пожалуйста, где же мой любимый муж? Он, видимо, остался дома с детьми? — и в голосе Куры Клювовны прозвучала едва заметная обида.

— Да нет же! — поспешно ответил Альберт Лисовой. — Он с нами, причем сражался в самых первых рядах!

Тут все присутствующие стали оглядываться вокруг.

Что за чепуховина? Тишка здесь, Степаныч на месте, Бела Пушистенко — вот она...

— Слушайте, а правда — где же Иван?!

— Ах! Ах! — закричала Кура. — Куда-тах-тах же он подевался?! Это его злодейка утащила!

— Прррекrrrrратите панику, дорррогая, — твердо сказал Красавцев. — Никуда она его не уволокла. Потому что Соррока-ворррровка поймана и взята под стрррражу!

Тут они осветили сеть, в которой лежала выброшенная Попугаем в окно и пойманная Игнатием Сорока.

Сорока?..

Велико же было их изумление, а отчасти и ужас, когда они увидели, что в заячьем сачке лежит... Иван Петух!

— Ванька! Петрович! Ты как сюда?..

— Ко-ко-козни проклятой ведьмы! — жалобно проговорил Иван, выпутываясь с помощью друзей из капроновых веревок.

— Н-да, — верный пес вопросительно посмотрел на бывшего командира Красавцева. — А где же сама... ведьма?

И тут Попугай вспомнил тот момент, когда он вдруг почувствовал, как повеяло могильным холодом... Эх, не могильным вовсе, а самой обычной сыростью из погреба!

Ни слова не говоря, Попугай бросился в дом, откинул крышку подпола... Надеялся увидеть притаившуюся в уголке дрожащую от страха Сороку, а увидел, что куда-то вглубь уходит пещера, подземный ход... Все ясно! Теперь Наташка уже очень далеко: сидит себе в каком-нибудь дупле у какого-нибудь такого же разбойного, как сама, дружка да посмеивается. Тут Иван и Красавцев с горечью поняли, что «воевали» они друг с другом!

— Ты, Петрович, почему же молчал, когда я тебя лупцевал почем зря?

— А чего ж ты ни звука не проронил, когда я тебя по черепу клювом долбил?

Они переглянулись и опустили головы... Да, глупо получилось! А ведь все только из-за того, что каждый хотел славы для себя одного.

Вот и прозевали Наташку!

— Ладно, ребята, не расстраивайтесь! — сказал добрый пес. — Уж в другой раз обязательно словим!

Иван и Попугай молчали, отведя глаза в сторону — чтоб друзья не догадались об их неблагоприятном поступке.

Плохо быть злодеем!

На том, собственно говоря, и сказке конец. Но все же не конец еще. Потому что — представляете, вот так чудо! — Кура Клювовна буквально на следующее утро, то ли от волнений, то ли от радости, что снова мужа и детушек своих увидала, но, так или иначе, снесла яичко — да не простое, а золотое!

Ну, шум, конечно, был на всю Большую Медведевку, на весь лес, вообще — на всю округу!

О таком необыкновенном чуде услышала и Сорока Наталья, которая действительно отсиживалась в некоем тайном дупле у некоего... но, впрочем, это не важно.

Сейчас же Наташка бросилась в деревню, подлетела к тому дому, где жила семья Ивана Петуха, села на березу... И сидит! Потому что — сами посудите, как войдешь? Ведь ты же воровка! Ведь ты же никому в жизни своей ничего доброго не сделала!

Сидит Сорока на березе, вздыхает, мучается: уж до того ей охота на чудесное золотое яичко посмотреть... хотя бы одним глазом!

А народ так и валит, так и валит в дом к Петуху:

— Разрешите?.. Спасибо большое!

«Эх, — думает Сорока, — может, и мне исправиться, может, и мне перестать быть злодейкой, а?»

Думала так она, думала... До сих пор решает.

А что Сорока Наталья все-таки решила, вы узнаете в следующей книжке.

серия «БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА»

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ В РОССИИ СЕРИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА. В НЕЕ ВОШЛО БОЛЕЕ 100 КНИГ. ПРЕКРАСНЫЕ ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ, КРУПНЫЙ ШРИФТ, ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТАЯ БУМАГА ДЕЛАЮТ СЕРИЮ БОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ.

БУЛЫЧЕВ К. «Алиса и дракон»
 БУЛЫЧЕВ К. «Алиса на планете загадок»
 БУЛЫЧЕВ К. «День рождения Алисы»
 БУЛЫЧЕВ К. «Тайна третьей планеты»
 БУЛЫЧЕВ К. «Алиса и притворщики»
 БУЛЫЧЕВ К. «Колдун и Снегурочка»
 БУЛЫЧЕВ К. «Королева пиратов на планете сказок»
 БАРТО А. «Мы с Тамарой...»
 БЕРЕСТОВ В. «Витя, Фитолька и ластики»
 ВЕЛТИСТОВ Е. «Приключения Электроника»
 ВЕЛТИСТОВ Е. «Рэсси - неуловимый друг»
 ВЕЛТИСТОВ Е. «Победитель невозможного»
 ВЕЛТИСТОВ Е. «Новые приключения Электроника»
 ВОЛКОВ А. «Урфин Джюс и его деревянные солдаты»
 ГЕРАСКИНА Л. «В стране невыученных уроков»
 ГЕРАСКИНА Л. «Девочка и какаду»
 ГРИГОРОВИЧ Д. «Гуттаперчевый мальчику»
 ГУБАРЕВ В. «Королевство кривых зеркал»
 ДРАГУНСКИЙ В. «Похититель собак»
 ДРАГУНСКИЙ В. «Дениска размышлялся»
 ЕРШОВ П. «Конек-горбунюк»
 ИВАНОВ С. «Бюро находок»
 ИВАНОВ С. «Бюро находок - 2»
 ИВАНОВ С. «Маловато будет»
 ИВАНОВ С. «Маловато будет - 2»
 КОНСТАНТИНОВСКИЙ М. «Сказки КОАПовского леса»

КОРОСТЫЛЕВ В. «Вовка в Тридевятом царстве»
 КОРОСТЫЛЕВ В. «Честное волшебное»
 КОРОСТЫЛЕВ В. «Король Пиф-Паф»
 МИХАЛКОВ С. «А что у вас?»
 МЕДВЕДЕВ В. «Вовка Веснушкин в стране заводных человечков»
 ПУШКИН А. «Стихи и сказки»
 ПРИШВИН М. «Лесной шатер»
 ПРОКОФЬЕВА С. «Приключения желтого чемоданчика»
 ПРОКОФЬЕВА С. «Маленькая принцесса»
 ПРОКОФЬЕВА С. «Волшебная пилюля»
 ПЛЯЦКОВСКИЙ М. «Приключения Кузнечика Кузи»
 ПЛЯЦКОВСКИЙ М. «Я веревочку верчу»
 СЛАДКОВ Н. «Бежал ежик по дорожке»
 СОТНИК Ю. «Архимед Вовки Грушина»
 ТОКМАКОВА И. «Аля, Кляксич и буква «А»
 ТОКМАКОВА И. «Ростик и Кеша»
 ТОЛСТОЙ А. «Золотой ключик, или Приключения Буратино»
 УСПЕНСКИЙ Э. «Стихи и песенки»
 УСПЕНСКИЙ Э. «Вниз по волшебной реке»
 УСПЕНСКИЙ Э. «Гарантийные человечки»
 УСПЕНСКИЙ Э. «Лекции профессора Чайникова»
 УСПЕНСКИЙ Э. «Подводные береты»
 УСТИНОВ Л. «Неделя рыжего кота»
 УСТИНОВ Л. «Золотая собака»
 ШВАРЦ Е. «Сказка о потерянном времени»

Вы можете заказать эти книги «Книга-почтой» по адресу:
 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
 Телефоны: (095) 285-88-07, 362-89-96.

Для младшего школьного возраста

ИВАНОВ Сергей

БЮРО НАХОДОК - 2

Художник Л. Насыров

Художественно-технический редактор Н. Ганина

Компьютерная верстка С. Филатов

Корректор Е. Родишевская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.12.99. Формат 60х90 1/16.
Уч. печ. л. 6,5. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 12 000 экз. Заказ № 2536.

Издательство «Бамбук», 129110, Москва, пр-т Мира, 57.

(ЛР № 065893 от 14.05.98).

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской
Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для справок:
(095) 285-8807, 362-8996

ISBN 5-2203-0093-1

«Колокольчик» — новый журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Уникальность его в том, что в нем одном можно найти все то, что присутствует в разрозненных аналогичных изданиях. В игровой, раскрепощающей манере дети сами смогут обучаться рисованию, решать головоломки, познавать животный мир и путешествовать в сказочных тапиях по любимым сказкам, а также знакомиться с произведениями лучших русских и зарубежных писателей. Подписной индекс 79035 по каталогу «Почта России» (Журнал «Колокольчик» и представленные здесь новые книги детских серий вы можете заказать по почте.

